

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

2017, Том 5, №2 (март - апрель) <http://mir-nauki.com/vol5-2.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/10PSMN217.pdf>

Статья опубликована 19.04.2017

Ссылка для цитирования этой статьи:

Рахматулина Д.В. Субъективная реальность этно-исторической памяти как предмет психологического исследования // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, №2 <http://mir-nauki.com/PDF/10PSMN217.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 159.95

Рахматулина Даниэля Викторовна

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Волгоградский институт управления (филиал), Россия, Волгоград
Аспирант кафедры «Психологии»
E-mail: danielya@mail.ru

Субъективная реальность этно-исторической памяти как предмет психологического исследования

Аннотация. В статье представлено обоснование базовых концептов, на основе которых строится исследование индивидуально-субъективной биографической и исторической памяти в их сопряжении. В качестве базовых категорий рассматриваются концепты субъективной реальности, культурной натуральности и личной теории, нарратива, хронотопа и события. Определяются возможности операционализации этих концептов. Описаны результаты пилотажного исследования, в котором приняли участие потомки поволжских немцев из Волгограда и Волгоградской области. Наряду с осмысленно-рефлексивными формами нарратива обнаружены психологические защиты в форме ухода в культурно-натуральную форму представления биографии - в стереотипы и клише обыденного сознания, а также - рекуррентные формы построения истории этноса с исключением или умалчиванием ряда трагических и драматических событий.

Ключевые слова: субъективная реальность; этно-историческая память; культурная натуральность; личная теория; нарратив; хронотоп; событие; история немцев Поволжья; этническая идентичность

Этно-историческая память - конституирующее образование, определяющее самосознание представителей этноса и его жизнеспособность в целом. Историческая память народа представлена в форме официально принятой последовательности событий, которые оцениваются как героические, трагические, судьбоносные, а также в форме субъективной памяти людей, составляющих этот народ. Вместе с тем, что эти реальности соотносятся, они могут оказаться различными и по содержанию, и по оценкам.

Исторический подход предполагает восстановление фактов и объективной взаимосвязи событий. Психологический подход предполагает экспликацию событий, составляющих предмет переживания и определяющих отношение людей к этим событиям как составляющим их судьбу, судьбу их семьи и их народа. При психологическом подходе в фокусе исследования находится **субъективная реальность**, соотносимая с исторической реальностью и ее событиями, но не совпадающая с ней, вплоть до искажения, игнорирования, отрицания, вытеснения или переоценки событий. В отличие от исторической реальности, конституируемой

последовательностью причинно-следственной связи событий, субъективная реальность может строиться на аффективно окрашенных ассоциативно-интуитивных связях, быть вообще алогичной.

Приступая к психологическому исследованию субъективной исторической памяти представителей диаспоры поволжских немцев, мы обратились к концептам «субъективная реальность» [31], «культурная натуральность» и «личная теория» [16, 17, 29], «нарратив» [9, 10, 30, 36] и «хронотоп» [3, 4, 23, 24, 25, 26, 28, 34, 35, 37, 39, 40], предполагая на их основе построить понятийный и методический аппарат исследования.

Субъективная реальность. В своем понимании субъективной реальности человека мы ориентируемся на антропологический подход в отечественной психологии [6, 8, 26, 31, 32], в котором субъективная реальность определена как исходный предмет изучения и одновременно как исходный объяснительный принцип. Согласно определению, предложенному В.И. Слободчиковым, «субъективная реальность есть наиболее абстрактное обозначение формы существования и общего принципа организации человеческой реальности... Как общий принцип существования человеческой реальности, субъективность... обнаруживает себя в способности человека встать в практическое отношение к своей жизнедеятельности и находит свое выражение в рефлексии» [31, с. 5]. Здесь «абстрактное» - это не отвлеченное, а лежащее в основании, генетически исходное и субстанциональное, которое, выражаясь языком М.К. Мамардашвили, требует признания, что «оно уже сеть». (Иначе для психолога нет предмета изучения.) Это абстрактное в процессе своего развития (восхождения - по Гегелю) обретает разнообразие своих форм и проявлений - превращается в конкретное и единичное - субъективную реальность **этого** человека с **этой** его судьбой. Рефлексия - само-отражение, в котором субъективная реальность находит свое выражение для самого человека, оформляясь в историю его единичной уникальной жизни и в его субъективную географию. Средства оформления - знаково-символические ориентировочные основы [13], образ мира [21], культурные медиаторы [12, 42].

Согласно В.И. Слободчикову и Е.И. Исаеву, «категория субъективности - это та основа, которая позволяет **развернуть и панораму, и перспективу** (выделено мною. - *Д.Р.*) наших представлений о человеке, становящемся и определяющемся в мире; о человеке, обретающем образ человеческий во времени не только личной биографии, но и мировой истории, в пространстве не только наличной цивилизации и сознания, но и универсального мира культуры во всех ее измерениях» [32, с. 12]. В этом контексте - в контексте «панорамы и перспективы» (ретроспективы), т.е. по сути в хронотопном контексте, - мы будем рассматривать субъективную историческую память и субъективную географию событий, становящиеся предметом рефлексии человека в тех ситуациях, когда актуализируется принадлежность к этносу, его исторической судьбе, его культурным традициям. Говоря «актуализируется», мы предполагаем следующее. В ткани текущих событий, в режиме обыденного функционирования культурная этно-идентичность может проявляться как «культурная натуральность» [17, 27, 28, 29] - как нерелективируемые ориентировки, стереотипы, идиомы, фразеологизмы, поведенческие привычки и т.п. Рефлексия же проявляется при столкновении с затрудняющими и болезненными обстоятельствами, как бы извне останавливающими поток сознания и течение поведенческих актов и напомиающими об этнической принадлежности.

В субъективной реальности этнического самосознания можно предположить две переходящие друг в друга формы - «**культурную натуральность**» и «**личную теорию**».

Культурная натуральность - это те проявления субъективной реальности человека, которые встроены в его повседневную жизнь и функционируют в ней как отработанные автоматизмы поведения, мышления и сознания. Называя эту форму «культурной», мы указываем, что она продукт аккультурации, в которую человек включен с ранних этапов

онтогенеза. Культурная натуральность формируется при освоении предметов быта, при включении в распорядок дня, при освоении родной речи.

Человек не осознает этой психологической реальности, поскольку, как отмечают И.В. Жуланова и А.М. Медведев [16, 17], «действует не с нею, а ею», пользуется ею как своим функциональным органом. Культурные медиаторы, обеспечивающие работу этого функционального органа, также в обыденной жизни не осознаются, они «растворены» в культурной натуральности. Тем не менее, они (медиаторы) обеспечивают стабильное автономное функционирование индивида, не предполагающее рефлексивной проверки правильности действий и обращения за помощью, т.е. не предполагающее обращения ни к себе, ни к другому.

Если воспользоваться предположениями А.В. Сухарева [33] о действенности обращения-возвращения к этнокультурным стереотипам в психотерапевтических целях, то можно определить культурную натуральность как своего рода «родительский дом» субъективной реальности, последнее убежище человека в ситуации фрустрации и внешних интервенций. Наблюдаемая в переживании трудных жизненных ситуаций редукция активности, «обтаивание» ее репертуара, и ее превращение в стереотипные замкнутые на себя акты бытового функционирования - спонтанный механизм защиты, состоящий в поиске убежища в границах культурной натуральности. В то же время ее «культурность» - своего рода «последний приют» и «последний рубеж», отделяющий человека от животного, - даже в состоянии глубокой фрустрации, человек воспроизводит культурные каноны поведения [38]. Стереотипные поведенческие паттерны - своего рода «одеяло», в которое можно «завернуться» и оставаться человеком даже в нечеловеческих обстоятельствах. Вместе с этим, редукция сознательной вариативной полимотивированной произвольной деятельности к стереотипному функционированию без особых для этого причин - путь деградации субъектности (если под субъектностью понимать ценностно-смысловую и мотивационную организацию субъективной реальности человека).

Личная теория, как полагают И.В. Жуланова, А.М. Медведев [16, 17] и К.В. Мартиросян [24], в отличие от культурной натуральности, осознается, рефлексивируется и обосновывается. Личная теория содержит концепцию субъекта (метасубъекта) всего происходящего с человеком, будь то он сам, судьба (родовое проклятие, Божья кара), авторитарный демуург (например, И.В. Сталин) или безликий «исторический процесс», а также - логику и аргументацию произошедшего и происходящего. В отношении событий, представляемых в форме личной теории, человек может строить аргументацию, объяснения, относиться к ним как к объективной данности или как к продукту своих субъективных усилий, гордиться ими или иронизировать по поводу их нелепости.

То, какими средствами осознается этническая принадлежность, - этно- идентичность, - то, какие события истории этноса указывают на трансцендентное, вызывая «трудность и боль» (в понимании Ф.Е. Василюка [8]) при внешне стабильном течении жизни, а также то, что согласно В.И. Слободчикову и Е.И. Исаеву, «позволяет развернуть и панораму, и перспективу наших представлений о человеке» [32, с. 12], мы определяем как **личную теорию субъективного этнического самосознания**.

Нарратив. Начнем со словарного определения. «Нарратив (англ. *narrative* - повесть, повествовательный) - повествование, история, рассказ, в частности о собственном личном опыте [5, с. 390]. Сегодня нарратив - это концепт, объединяющий историю и психологию. В исторической науке актуальность нарративного подхода обосновывалась А.Дж. Тойнби [35], в психологии - Дж. Брунером [7]. Нарративная психология как быстро развивающаяся область характеризуется свойственной инновационным подходам экспансивностью: концепт нарратива «захватывает» все новые области применения, а рефлексивная оценка его эффективности

несколько отстает. В настоящее время нарратив выступает и в качестве *предмета изучения*, и в качестве *исследовательской техники*, и в качестве *объяснительной парадигмы* [2].

По мнению Е.Е. Сапоговой суть нарративного подхода «... в самом общем виде может быть отражена в следующих положениях:

- культурные артефакты рассматриваются предельно широко - как повествовательные структуры (тексты) - носители специфически человеческих значений и смыслов, к которым в процессе социализации приобщается развивающийся субъект;
- признается, что жизнь и отношения людей формируются культурно закрепленными повествованиями разного типа, усвоенными в процессе социализации; базовые концепты, сюжеты, мотивы, персонажи этих историй используются ими для осмысления, структурирования и описания собственного опыта, т.е. фактически составляют основу организации содержания сознания и поиска смыслов существования;
- жизненный путь личности понимается как осмысленное целое, существующее для нее самой и для других в форме завершенной истории - автобиографического нарратива» [30, с. 64].

Для нас в этом нашем исследовании «нарратив» - это ткань событий, представленных в сознании, то, как люди представляют свою жизнь в сопряжении с жизнью своего этноса (или вне такого сопряжения). В нашем исследовании нарратив выступает не предметом, а *материалом*, той *первичной реальностью*, в которой - посредством контент-анализа - только предстоит выявить **предмет - субъективный хронотоп сознания, личную теорию истории этноса**.

Выбор нарративного подхода определяется необходимостью осторожного, экологичного отношения к биографической и исторической памяти людей, содержащей образы драматических, трагических и психологически болезненных событий. Примером экологичного использования нарративной техники для нас стали исследования Е.А. Выгинной [9, 10], применившей нарративный подход в работе с респондентами, имеющими опыт наркотической и алкогольной зависимости, в период их реабилитации.

Хронотоп. Начнем так же - со словарного определения: «Хронотоп (от греч. *chronos* - время + *topos* - место; букв. времяпространство). Пространство и время - это самые суровые определители человеческого бытия, еще более суровые, чем социум. Преодоление пространства и времени и овладение ими - это экзистенциальная задача, которую человечество решает в своей истории, а человек - в своей жизни» [5, с. 722].

Концепт хронотопа появился в науке в начале XX века. Он выступает в качестве времени-пространства физического мира (А. Эйнштейн [43]), мира организованной психической регуляции (А.А. Ухтомский [37]), мира литературного произведения (М.М. Бахтин [3, 4]), а также формой субъективной психологической реальности человека (К. Левин [20]). В отечественной психологии обращение к концепту хронотопа содержится в ряде работ В.П. Зинченко [18, 19 и др.], полагавшего, что его эвристический потенциал обеспечит развитие методологического аппарата психологии человека. Это понятие представлено также в исследованиях, проведенных Н.Н. Толстых [34], Ф.Е. Василюком [8], Е.И. Головахой и А.А. Кроником [15]. В последнее время к применению концепта хронотопа в этнопсихологическом контексте обращались А.В. Сухарев [33], А.М. Медведев и К.В. Мартиросян [28]. В исследовании К.В. Мартиросян [23, 24, 25, 28] субъективный хронотоп этнического самосознания - основной предмет ее исследования - определяется как временно-

пространственная организация сознания человека, опосредствованная культурной символикой и образами *субъективно значимых событий* индивидуальной жизни в их сопряжении с образами культурно-исторического процесса. В своем исследовании мы придерживались близкого понимания, уточняя при этом содержание того, что в приведенной дефиниции определено как *событие*.

Событие. Интересующее нас, релевантное нашему исследованию понимание «события» принадлежит Г.В.Ф. Гегелю, который предложил «установить различие между тем, что просто происходит, и определенным действием, которое ... принимает форму события» [14, с. 186]. Г.В.Ф. Гегель предлагал считать происшествием «любое внешнее изменение в облике и явлении того, что существует». А под событием он подразумевал «нечто большее, а именно исполнение намеченной цели» [там же], вследствие чего открывается «во всей его полноте цельный внутри себя мир, в совокупном круге которого движется действие» [там же, с. 189].

В гегелевском понимании события содержится ряд важных моментов:

- это не то, что «просто происходит», это то, что предполагает определенное действие, т.е. предполагает активность-преодоление;
- это то, что в отличие от происшествия, имеет отношение к намеченной цели и тем самым, субъективную ценность намерения и его исполнения;
- это единица «цельного мира», т.е. отражение «внутри себя» всего контура, всего круга происходящего действия.

«Иными», не входящими в «круг событий», могут быть вполне реальные открыто наблюдаемые «происшествия». Так, перемещение в пространстве, например, посредством городского транспорта, может оказаться однообразным и многократно повторяющимся, в силу чего - бессобытийным [39]. Биологические, природные изменения также могут протекать внесобытийно. Например, смена времен года сама по себе еще не является событием в силу своей абсолютной закономерности, а природный катаклизм - нарушение закономерности - событием становится.

Присоединим к этому высказывание Ю.М. Лотмана: «Значимое отклонение от нормы (то есть “событие”, поскольку выполнение нормы “событием” не является) зависит от понятия нормы» [22, с. 19], а последнее принадлежит некоторому субъекту (ментальности, типу культуры). Таким образом, событие можно рассматривать как единицу субъективной реальности, содержащую:

- образ происшествия, которое осознается и эмоционально переживается;
- акт противочувствия (по Л.С. Выготскому), в котором когнитивно-аффективно соединены представление о норме, - предполагаемой или утверждаемой причинно-следственной связи фактов, морально-нравственном законе, правовой регламентации, здравом смысле, Божьем промысле и пр., - и о нарушении этой нормы, крушении упований и надежд на нее [11, с. 222];
- разрыв между пониманием сути «нормы», принятом в этом типе культуры, и ее неожиданным, «ненормальным», волюнтаристским, варварским (с точки зрения этой культуры) нарушением.

Специфика субъективного автобиографического нарратива состоит именно в том, что автор наделяет факт или некоторую совокупность фактов статусом события. Здесь, согласно М.М. Бахтину, на передний план «выходит новое и главное действующее лицо события - свидетель и судия» [3, с. 341], по отношению к которому актуализируется наделение факта личностным смыслом. «Никакой природный катаклизм или социальный казус вне

соотнесенности с нарративной интенцией сознания еще не является событием, - пишет В.И. Тюпа. - Чтобы стать таковым, ему необходимо обрести статус не только зафиксированного, но и осмысленного факта» [36, с. 24].

Событие, в отличие от явления или процесса, всегда «локализовано в некоторой человеческой ... сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит; - пишет В.А. Андреева, - оно происходит в некоторое *время* и имеет место в некотором *реальном пространстве*. Событие, таким образом, связано с субъектом. Этим субъектом является не только участник события, но и *его наблюдатель или интерпретатор* (курсив мой. - Д.Р.)» [1, с. 46].

Подведем **итог** краткому абрису введенных концептов, определим логические и содержательные связи между ними.

Субъективная психологическая реальность - исходное и наиболее абстрактное обозначение формы существования субъективности человека как способности строить и реализовывать практическое отношение к миру и к своей жизнедеятельности. Для построения практического отношения к жизни, как в плане замысла, так и в плане осуществления, необходимо определять дистанцию и взаимное расположение объектов действия (включая оценку их досягаемости/недосягаемости), а также и последовательность актов и событий - субъективная реальность с необходимостью содержит «панораму и перспективу» [32]. Будучи человеческой формой существования, субъективная психологическая реальность культурна - возникает, развивается и становится в актах аккультурации, начиная с раннего онтогенеза, она насыщается культурными медиаторами. Будучи деятельностным образованием, она содержит смысловую и операционально-техническую стороны. (На эту особенность человеческой действительности указывал Д.Б. Эльконин: «... Человеческое действие двулико. Оно содержит в себе смысл человеческий и операциональную сторону. Если вы выпустите смысл, то оно перестает быть действием, но если вы из него выкинете операционально-техническую сторону, то от него тоже ничего не останется ... Таким образом, уже внутри единицы человеческого поведения (а единицей человеческого поведения является целенаправленное сознательное действие) находятся эти две стороны. И их нужно видеть как две стороны, а не как различные и никак не связанные между собой сферы мира» (цит. по Эльконин Б.Д. [41, с. 35]). Будучи сторонами деятельностных актов, эти стороны переходят друг в друга - автоматизируясь до стереотипной ориентировки и навыка, субъективная реальность обретает форму культурной натуральности (операциональная сторона), а вырываясь из обыденного функционирования (самим человеком или внешними обстоятельствами), культурная натуральность оформляется (посредством рефлексии и культурных медиаторов) в личную теорию («смысл человеческий»).

Ближайшей доступной как самому носителю субъективной реальности, так и ее исследователю формой ее представления может быть нарратив - повествование о своей жизни. Нарратив может быть проявителем границы между культурной натуральностью («все как у людей») и личной теорией («моя история уникально и вот почему ...») и средством трансцендирования - пересечения границы и перемещения культурно-натурального в фокус рефлексии, осознания смысла своих же стереотипов и своей же повседневной жизни.

Для исследования субъективной реальности в форме нарратива необходимы некие общие «координаты», исходно инвариантные по отношению к материалу, чтобы сопоставлять, соотносить, соизмерять получаемые данные. Для нашего исследования нужна такая «система координат», которая позволила бы вместить этнокультурную историю и личную биографию в их «панораме и перспективе» и в их сопряженных формах - в форме культурной натуральности и в форме аргументированной личной теории. Соответствующим концептом для нас стал «хронотоп» - временно-пространственная организация субъективной реальности человека. Исследовательский потенциал этого концепта подтвержден работами Н.Н. Толстых [34], А.В.

Сухарева [33], А.М. Медведева и К.В. Мартиросян [28], недавними исследованиями А.Ю. Хачатрян [39, 40].

Таким образом, субъективная реальность этнического самосознания выявляется нами посредством нарратива, помещаемого в ходе анализа в хронотопную систему координат. Единицей анализа, «квантом» субъективной реальности для нас выступает «событие» - временно-пространственная локализация субъективно значимого и эмоционально пережитого факта, находящего оценку в личной теории респондента. Событие мы рассматриваем как квант «единства аффекта и интеллекта» (Л.С. Выготский [11, 12]) и, в то же время, как единицу субъективного хронотопа.

Пилотажное исследование и предварительные результаты

Целью было выявление общей картины хронотопа биографической и исторической памяти поволжских немцев, представленности в нем важных исторических событий и наличия их сопряжения с событиями личной судьбы. А также - выявление общего стереотипного «само собою разумеющегося» содержания, соотносимого нами с культурной натуральностью, в сопоставлении с аргументированными реперами этнического самосознания - с личной теорией.

Исследование проводилось в сентябре 2015 г. - феврале 2016 г. на территории Волгограда и Волгоградской области. Участниками стали поволжские немцы, являющиеся гражданами России, 36 человек в возрасте от 47-и до 93-х лет, из них 12 мужчин и 24 женщины. Все участники исследования:

- являются этническими поволжскими немцами (оба родителя или один из родителей, бабушка или дедушка респондентов поволжские немцы);
- считают себя поволжскими немцами.

Применялись *методы* беседы, полуструктурированного интервью (авторский опросник), метод анализа автобиографического нарратива Е.Е. Сапоговой [30].

Мы можем констатировать следующее.

100% респондентов считают себя этническими немцами, 6 человек (16,6%) из них знают немецкий язык и могут на нем объясняться, 17 человек (47,2%) понимают немецкую речь, но сами не говорят, 7 человек (19,4%) собираются изучать немецкий язык, 6 человек (16,6%) не знают и изучать не собираются.

В результате анализа автобиографических нарративов были выявлены основные способы организации повествований о своей жизни (по критериям, предложенным Е.Е. Сапоговой [30]).

Было выявлено, что 12 человек (33,3%) используют **констатирующий способ** создания нарратива. Для них характерна биографическая схема, содержащая лишь систему шаблонных высказываний, мало отличающих одну биографию от другой: «Родился ... закончил школу ... поступил ... закончил институт ... работал ...» и т.д. Авторским вкладом является включение минимальной детализации. Отметим, что многие респонденты старшего поколения (старше 75-ти лет) предпочитали рассказывать о себе *исключительно таким способом*, используя при этом текстовые шаблоны, («вступил в ряды», «состоял», «принимал участие» и т.д.). На языке принятых нами концептов это определяется как экспликация культурной натуральности. Предельная редуцированность личного отношения к событиям вряд ли служила показателем невысокой когнитивной сложности или узостью словаря - вне границ темы биографии и истории респонденты беседовали с нами достаточно свободно и их ассоциации, и синтаксис речи указывали на достаточно высокую содержательность и организованность их сознания. Но

все события жизни семьи и индивидуальной жизни сводились ими к общепринятой безличной биографической метрике. Мы склонны предполагать, что это проявление отработанной психологической защиты, актуализация культурной натуральности в функции защиты суверенности субъективного психологического пространства.

Аналитико-телеологический способ был представлен в нарративах 8-ми (22,2%) участников исследования. У этих респондентов биография строилась как описание целенаправленного движения к некоей известной или неизвестной, но постепенно открывающейся (по ходу повествования) цели и содержала подробности выводов, принятия решений, создания планов, оценку достижений: «Что мне было делать? Пришлось ...», «Я знал, что должен ...». Так описывают себя люди, желающие подчеркнуть, что *всем в жизни они обязаны самим себе*.

У 7-ми человек (19,4%) был обнаружен **эмоционально-метафорический способ** оформления нарратива. В этих случаях биография строилась как описание (воспоминание и даже конструирование - по ходу припоминания) *событий*, сопровождаемых переживаниями, оценками, вопросами. Это было своеобразное «моделирование наяву» уже свершившихся событий жизни, их «воскрешение» и придание им смысла и значимости: «Я вот вспомнила тот случай и думаю теперь: не иначе как свекровь меня опоила чем-то»; «Он сказал, что уехал из села, потому что там живут одни колдуны, а я и внимания не обратила. А сейчас понимаю - везде ему то подвох, то колдуны мерещились».

Символический способ был выявлен у 5-ти человек (13,8%) - в этом случае каждый автобиографический факт респонденты представляли не как значащий сам по себе, а в качестве отражение другого содержания, как наполненный привходящим значением знак. Они рассматривали его в контексте судьбы, предназначения, хронотопа мира в целом. Повествование о типичных жизненных событиях (свадьбах, рожденьях, смертях, героических поступках, предательствах) сопровождалось намеками на их тайный смысл, подлежащий расшифровке: «В нашей семье мужчины умирают до дня рождения, а женщины - после ...», «У нас в роду все мужчины брали себе жен из Астраханской области, а я нарушил традицию» и т.п.

Автобиографические нарративы 4-х человек (11,1%) можно отнести к **наставительному способу** построения. В них жизнь излагается как притча, как пример-образец мужества, терпения, достойной жизни, составляющий «гордость» рассказчика. Такие тексты непременно содержали выводы, обобщения и нравоучительные высказывания: «Я всегда старался жить по совести ...», «Работали тяжело, жили бедно, но не сдавались»; «Женщина всегда должна быть “на высоте” на людях, ухоженной, аккуратной, сколько бы ей не было лет, как бы тяжело не было».

Кроме способа построения-организации нарратива, предметом нашего анализа был категориальный строй текстов: мы устанавливали те семантические гнезда, которые проявляли содержание культурной натуральности и личных теорий.

Рассмотрим основные из таких категорий, снабдив их выдержками из текстов респондентов.

Культурная натуральность. Быт

Я немка, но даже немецкого не знаю. У меня обычная жизнь, как у всех.

***

Как у всех, было хозяйство - козочка была, куры, огород. Не знаю, что рассказывать ... (долго молчит).

***

Она меня пошлет в магазин, тесто купить, а сама в это время начинку делает - сладкую и другую. Всегда пекли один сладкий пирог, кухне, а другой с рыбой, например. И потом все приходят, и она каждому с собой кусочек дает. Это я помню.

***

У нас собирались несколько семей и праздновали Рождество, Пасху, День матери и другие праздники. Ясно - мама, бабушка, тетя готовили праздничные столы: стряпали пироги, кухне готовили, нудель и другие немецкие блюда. Мы, дети, учились у взрослых.

***

Моя бабушка никогда не говорила о семейных обычаях, и разговоры на эту тему не поддерживала, даже наоборот, не любила вспоминать о прошлом. Но молча поддерживала национальные традиции. Например, она пекла пирожки по пятницам. Всегда - только по пятницам, и вся семья знала, если пирожки - значит, пятница. Один раз бабушка испекла пирожки почему-то в четверг, и мы, все дети, чуть не проспали в школу, а папа с мамой на работу! Думали, суббота, но бабашка нас разбудила. С тех пор пирожки опять всегда были только по пятницам.

***

Помню еще скороговорку: «Стол - тиш, рыба - фиш, судомойка - пастфиш», не знаю, откуда.

***

Так вот это блюдо, когда готовишь, открывать нельзя кастрюлю. Называется «краут унд клейс». Мама мне и говорит - если откроешь крышку, клейсы лопнут и прилипнут к потолку, и все без ужина останутся! Я после этого боялась открывать крышку у кастрюли, вдруг там клейсы! Так и осталось с детства в памяти.

***

В теплое время года дети вместе со взрослыми собирали травы для аптеки и для окрашивания тканей. А зимними вечерами плели кружево.

***

Солили соленья, мясо солили, колбасы немцы делали, а русские не делали раньше. Ливерную, мясо солили всегда, вот эти кухне, народное.

Темы депортации и войны как трагические события личной теории

Моих родителей и 4 братьев и сестер выслали из Поволжья в Новосибирскую область. По дороге умерли две сестры от холода. Мне не было и трех лет, когда мою мать с нами отправили в Воркуту. Добирались поездом, потом санями, почти месяц. Потом моя тетя вспоминала, что в поезде я просила милостыню и приносила в подоле платяца съестное, если бы не это, еще бы кто-то умер от голода.

***

В августе 1941-го нам дали несколько дней на сборы. С собой можно было брать только еду и постельное белье. Еще Библию. Сначала нас погрузили в грузовики, потом в товарняки и в «телятники» и повезли в неизвестность (молчит долго).

***

Я родилась 1 апреля 1938 г. в Сарепте. Сарепта наша была раньше немецкой колонией, Екатерина разрешила немцам селиться здесь. Во время войны папу забрали в трудармию, а маму с нами выслали в Казахстан, в село Островное № 28.

***

Кушать нечего было, и мы пошли в балку набрать травы, там, может, щавель рос какой или еще что. И вот идем, с нами двоюродные сестры были, тети Лотты (Шарлотты) дочки, и мы все, человек 7 - 8. А фашистский летчик увидел нас - может, на задание летел. Снизился и стал по нам стрелять. Мы - бежать. А он кругом - и обратно, и опять по нам стреляет, из автомата. Мы от ужаса в землю стали зарываться, маленького братика землей засыпало, мы его потом откопали, живой. А Августу контузило, что ли, то ли от страха она потом говорить долго не могла. Ей тогда 12 лет было. Как зайцев, гонял нас по полю. Я даже его лицо видела, никогда не забуду.

***

Ехали ужасно. Ели то, что с собой взять смогли. Сперва через Волгу на барже нас переправили, а потом в холодных телячьих вагонах, на соломе, месяц ехали. Никто не кормил, многие болели. В холода уже приехали в Сибирь, там на подводах, дорогу сковало уже, грязи не было. Как едем, так все меньше, меньше подвод-то ...

***

- Ну ... Когда война началась, репрессия была. Погрузили в вагоны телячьи и повезли туда, в этот Кустанай. Привезли тоже в такую деревню.

- А Вы маленькая были?

- Ну конечно, я с 36-го, а дело в 42 году было. Мне 6 - 7 лет было. (Пауза.)

- Помните все равно?

- Ну конечно. Так это я все помню, да. Мы там, в этом Кустанае, мама пошла вроде работать, а что, работы тяжелые все, а мы-то маленькие: старшей было 9 лет, мне было 6. Потом после меня брат был, он с 38-го, а с 40-го года была еще сестра. Вот брат у нас тоже умер тут же в Кустанае, с голоду. Есть нечего было тоже, мама одна получала паек, а нас-то вон сколько. Ну а потом мать тоже ... (пауза, судорожно сглатывает) сено они возили для колхоза, для скота, и она скирдовали там на сеннике примерно, складывали там сено. И она как укладывала скирды, и упала оттуда. Ну и все. Привезли домой, она больше не встала (закрывает рот рукой, плачет).

Сопряжение хронотопа истории и личной судьбы

- Не помню уже ... Вот недавно американец приезжал, привез историю основания Кулалинки, родословную нашу. Там как раз был Кельн наш, прапрадед, первый, вот с этого мы начали общаться. Он тоже - его прапрадедушка и прапрабабушка выехали в 30-е годы в Америку, и он говорит, после смерти прапрабабушки он нашел что-то и начал поиски. Там тоже у них община ...

- То есть, он считает себя не американцем, а немцем?

- Он говорит, наполовину тот, наполовину этот. Говорит - у меня все в душе еще, Волга тогда была маленькая, по ней лес сплавляли, а сейчас какая большая, красивая она у вас. Прямо ностальгия была, он три раза приезжал, еще отец был жив. Там такая карта есть ...

- А можно посмотреть?

- Конечно, можно. Вам с ним надо пообщаться, вот он ... там много ...

<...>

- А это что, иконы?

- Икон у немцев нету, это старинные фотографии (говорит по-немецки). Знаете?

- Нет, не знаю

<...>

- Это дедушка, это Яков, прадедушка ... Генрих ... (показывает родословную, а потом старинную карту села). Были водяные мельницы... гарден, это огороды. И были ветряные мельницы, четыре всего. Эта карта сделана со слов тех, кто выехал в Америку. Это кладбище, это церковь.

- А где вашей семьи дома?

Н: Вот, смотрите: Маазы - это наше прозвище и вот наш дом... просто их было много Кельн, и Мааз - это прозвище.

- А что оно значит?

- Я не знаю, просто было два брата, оба Кельн, одного называли Мааз. Кличка была прикреплена для нас. Не знаю, почему ...

Здесь была пожарка.

- А сейчас там что?

- Ничего. Все разрушено до основания. Нету сейчас ни мельниц, ничего. Здесь был «новак» - кабак. Прадедушка моего мужа его держал, туда ходили, выпивали, отдыхали. У них поговорка была, правильно бы сказать (говорит по-немецки): «Кей каваге хаус, шляге але фейстер наус», ну короче, «я приду в этот дом, выбью все окна», дословно. Типа того, напьются, а потом могут выбить окна. И вот их тоже не Эргард была фамилия, а Кавагэ.

Особое отношение к труду как основе существования

... А вот что я еще скажу. Все сейчас плачут, мол, плохо живем. Чтобы лучше жить, надо больше работать, как работали наши деды и прадеды. Гляньте, как они строили - до сих пор дома стоят, живем в них. А какие тут были сады! Вы когда в село въезжали, там по правую руку ручей, вдоль него до сих пор фруктовые деревья встречаются.

***

Когда мы еще в Казахстане жили, у родителей были пчелы, и поля с дынями. Пчелы были на передвижном прицепе - к телеге или к машине можно было прицеплять и вывозить их к полям, никто не ругался, если мы пчел ставили. А уехали почему? В девяностые в поселении жить стало невозможно: работы нет, осталась сберкасса и почта, там три человека и там три, а остальным где работать? Я-то уже в здесь жила, а родители выжили благодаря сахару: закупали для пчел, чтобы в межсезонье подкармливать. Родители мои оба - учителя, мама математик, отец - физик. И гнали самогон, представляете? Я, когда узнала такое про маму, мне так стыдно было и больно за нее, а она: «куда деваться, жить как-то надо».

Стигматизация как угроза этно-идентичности и психологическому благополучию

На мою судьбу национальность повлияла в полной мере. Я считаю, что все, что со мной происходило, было отражением того что я - немка.

***

Отчим маму спасти хотел. Когда началась война, он за ней ухаживал, а она учительница в школе была. Он взял ее документы и выкинул в туалет - говорит, будешь ты не Эмилия Карловна, а Людмила Карповна.

***

- А про жизнь в Сарепте мама Вам рассказывала?
- Что ты! Упаси Боже. До самой смерти ничего не говорила.

***

В юности уже не дразнились, как-то прошло все. А в школе я дралась, если фашисткой обзывали. Прямо сразу в морду била. Говорю - у меня сестра на фронте погибла и три старших брата воевали, какая я тебе фашистка? Потом как-то все привыкли и уже не дразнились.

***

Я, когда паспорт получала, надо было национальность вписать. Я - к маме: «Что писать?» А она мне - пиши «русская». В то время было не популярно быть немцами. Сейчас я в любой момент могу уехать в Германию, у меня все документы в порядке, но даже не собираюсь. А зачем?

***

Мы росли, не особо понимали, что мы немцы - папа иногда говорил с нами, его мы понимали, но промеж собой никогда по-немецки не говорили, это было не популярно.

***

А когда вернулись, в нашем доме все запасы, которые мама на зиму делала, - все вынесли, выкопали даже овощи из песка (раньше их так хранили, в песок зарывали). И говорят нам - вы - фашисты, а сами хуже фашистов, нас же 8 детей у мамы было, она одна, отец перед войной умер.

***

Ну, когда мы приехали, конечно, нас обзывали - и фашисты, и немцы, разными словами, кто как хотел. Дрались мы, тоже приходилось.

Особый интерес для нас представляли **моменты рефлексивного перехода**, когда в ходе беседы образы культурной натуральности обретали статус событий и становились содержанием личной теории. Происходили переходы «обыденность - исключительность», «современность - глубина истории», «частность - обобщенная характеристика» и другие.

Что про себя-то мне рассказывать. Все как у всех. Хотя не все. Я могу рассказать, что помню от матери. В 1941 году всем - нам и односельчанам - объявили, что все будут отправлены на принудительные работы, на 3 - 4 месяца. Родители с детьми не знали, куда едут. Собирались за сутки ...

***

Особенно с детства запомнилась Пасха: по пасхальной зелени (пшеница, овес) женщины определяли будущий урожай. Если всходы дружные, то урожай будет богат. На Пасху эту

зелень украшали крашеными яйцами, печеными зайцами из теста. Русские семьи птиц пекли. Мама говорила, что местные были благодарны нам за определение будущего урожая. Эти обычаи еще с тех времен остались, когда немцы только приехали, при Екатерине II. Кто бы мог подумать ...

***

... А, вот еще, вспомнила! В нашей семье было заведено утром пить кофе, но он относился к дефицитным продуктам. Один раз по делам службы мужу пришлось ехать в Муромцевский район, и там на витрине они заметили кофе! Скупили весь. Но как же мы были разочарованы, когда увидели, что срок годности истек! Но, хотя не было того аромата, кофе мы использовали. Немцы - народ практичный: высыпали его на разогретую сковороду и получали вновь аромат!

Удалось установить **субъективно значимые события** культурно-исторического контекста, являющиеся общими для респондентов, так или иначе вплетенные в их личные жизненные истории. Такими событиями стали:

- основание колоний на берегу Волги немецкими колонистами, прибывшими в Россию по приглашению Екатерины II (1765 г.) - 21 человек (58,3%);
- ликвидация Автономной Республики немцев Поволжья и тотальная депортация немцев из АССР (Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. («ссылка», «трудармия») - 22 человека (61,1%);
- частичная реабилитация 1956 г. - 6 человек (16,6%). Здесь наблюдается расхождение с официальной историографией, указывающей 13 декабря 1955 года как дату выхода указа; однако, событие наделяется смыслом лишь после того, как осуществлена **возможность переезда** (на подготовку к которому потребовалось время), для опрошенных - преимущественно в 1956 году.
- возможность вернуться в родные края в 70-х годах - 7 человек (19,4%);
- переезд родных и близких на историческую родину, в Германию, в 90-х гг. - 15 человек (41,6%);
- неудачные попытки восстановления государственности - 6 человек (16,6%) - дата респондентами не указывается.

Относительно спокойные исторические периоды оказываются не представлены - актуализируются «трудность и боль».

Таким образом, были определены основные культурно-исторические события жизни народа, в привязке к которым выстраиваются индивидуальные психологические хронотопы волгоградских поволжских немцев, что послужит отправной точкой для дальнейших этапов исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В.А. Событие и художественный нарратив // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - Выпуск №21-1 / том 7 / 2006. - С. 44 - 57.
2. Барт З. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX -XX вв. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987 - 512 с.

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: «Искусство», 1979. - 424 с.
4. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. - Киев: Next, 1994. - С. 9 - 69.
5. Большой психологический словарь. - 4-е изд., расширенное / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. - М.: АСТ; СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. - 816 с.
6. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 2010, №5. - С. 25 - 36.
7. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. №1 (2). - С. 9 - 31.
8. Василюк Ф.Е. Психология переживания. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib100.com/book/psihologiya_perejivaniya.
9. Выгинная Е.А. Я-нарратив как отражение отношения человека к субъективному миру в представлениях социально благополучных и наркозависимых респондентов // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 1 <http://mir-nauki.com/PDF/12PSMN116.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
10. Выгинная Е.А. О возможности изучения хронотопа наркозависимых в нарративном подходе // Интернет- журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 1 <http://mir-nauki.com/PDF/13PSMN116.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
11. Выготский Л.С. Психология искусства. - М.: Педагогика, 1987. - 344 с.
12. Выготский Л.С. Психология развития человека. - М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2003. - 1136 с. (Серия «Библиотека всемирной психологии»).
13. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука / Под ред. А.И. Подольского. / Вступ. ст. А.И. Подольского. - М.: «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. - 480 с.
14. Гегель Г.В.Ф. Философия природы // Энциклопедия философских наук: В 3-х т. Т. 2. - М.: Мысль, 1975. - 695 с.
15. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. 2-е изд., испр. и дополн. - М.: Смысл, 2008. - 267 с.
16. Жуланова И.В. Субъектно ориентированное образование в высшем учебном заведении: теоретико-методологическое обоснование и опыт проектирования. - Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. - 324 с.
17. Жуланова И.В., Медведев А.М. Системно-деятельностный подход как методологическое основание проектирования образовательной ситуации подготовки учителей и психологов // Интернет-журнал «Науковедение», 2014 №5 (24) [Электронный ресурс] - М.: Науковедение, 2014. - Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/81PVN514.pdf>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. рус., англ.
18. Зинченко В.П. Время - действующее лицо // Вопросы психологии. 2001 №6. - С. 36 - 54.
19. Зинченко В.П. Человек в пространстве времен // Развитие личности. 2002, №3. - С. 23 - 50.
20. Левин К. Динамическая психология. Избранные труды. - М.: Смысл, 2001. - 572.

21. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. - М.: Педагогика, 1983. - С. 251 - 260.
22. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. - СПб.: «Искусство - СПб», 1998. - С. 14 - 285.
23. Мартиросян К.В. Типологические варианты хронотопа человека // В мире научных открытий. - Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 11.4 (47). - С. 266 - 276.
24. Мартиросян К.В. Кросскультурные особенности хронотопа человека // Личность как предмет классической и неклассической психологии: Материалы XIII Международных чтений памяти Л.С. Выготского: Москва, 13-17 ноября 2012 г. / Под ред. В.Т. Кудрявцева: В 2 т. Т. I. - М.: РГГУ, 2012. - С. 226 - 233.
25. Мартиросян К.В. Этнические особенности хронотопа человека // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. - С. 67 - 69. (Материалы конференции).
26. Медведев А.М., Шокина Е.В. Хронотоп как схема понимания развития личности // Теоретические и прикладные аспекты психологии развития: проблемы, решения, перспективы: сборник научных трудов / под ред. И.С. Морозовой; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. - С. 166 - 171.
27. Медведев А.М., Сивишкина М.Е. Субъектность и личные теории в построении интимно личного отношения в юношеском возрасте // Психология обучения. 2013, №6. - С. 103 - 117.
28. Медведев А.М., Мартиросян К.В. Техника культурной провокации в исследовании субъективного хронотопа в полиэтнических студенческих группах // Интернет-журнал «Науковедение», Том 7. №2 (январь - февраль 2015) [Электронный ресурс] - М.: Науковедение, 2015. - Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/07PVN215> (доступ свободный). - Загл. с экрана. - Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/07PVN215.
29. Нежнов П.Г. Опосредствование и спонтанность в теоретической картине развития // Педагогика развития: образовательные интересы и их субъекты // Материалы 11-й научно-практической конференции. Красноярск, апрель 2004 г. Доклады на пленарных заседаниях, секциях и дискуссиях. Красноярск 2005. - С. 113 - 127.
30. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология, 2005. №2. - С. 63 - 74.
31. Слободчиков В.И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Автореф. ... докт. психол. наук. - М., 1994. - 28 с.
32. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998, №6. - С. 3 - 17.
33. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2008, - 576 с.

34. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. - Смоленск-Москва: Универсум, 2010. - 292 с.
35. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник / пер. с англ. - 2-е изд. - М.: Айрис-пресс, 2003. - 392 с.
36. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. - 58 с. - (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Приложение, Серия «Лекции в Твери»).
37. Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887 - 1939. - СПб.: Питер, 2002. - 448 с.
38. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. - М.: Прогресс, 1990. - 368с. - (Б-ка зарубежной психологии).
39. Хачатрян А.Ю., Медведев А.М. Этнокультурные особенности восприятия города // Материалы Всероссийской научно-практической конференции и круглого стола «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие», 29 октября 2015 г. - Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. - С. 141 - 145.
40. Хачатрян А.Ю. Техника культурного опосредствования в исследовании пространственной составляющей этнохронотопа // Культурно-историческая психология: от научной революции к преобразованию социальных практик: Материалы XVII Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 14 - 19 ноября 2016 г. / Под ред. Г.Г. Кравцова: В 2 т. Т. 2. - М.: Левь, 2016. - С. 65 - 70.
41. Эльконин Б.Д. Действие как единица развития // Вопросы психологии. 2004, №1. - С. 35 - 49.
42. Эльконин Б.Д. Опосредствование. Действие. Развитие. - Ижевск: ERGO, 2010. - 280 с.
43. Эйнштейн А. Физика и реальность. Принципы теоретической физики. - М.: Наука, 1965. - 360 с.

Rakhmatulina Danielya Viktorovna

Russian academy of national economy and public administration under the President of Russian Federation
Volgograd institute of management (branch), Russia, Volgograd
E-mail: danielya@mail.ru

Subjective reality of ethno-historical memory as a subject of psychological research

Abstract. The article presents a substantiation of the basic concepts on the basis of which the study of individual-subjective biographical and historical memory in their conjugation is built. As the basic categories, the concepts of subjective reality, cultural naturalness and personal theory, narrative, chronotope and event are considered. The possibilities of operationalization of these concepts are determined. The results of a pilot study are described, in which the descendants of Volga Germans from Volgograd and the Volgograd region took part. Along with meaningful reflective forms of the narrative, psychological defenses have been discovered in the form of care for the cultural and natural form of the biography's representation - in stereotypes and clichés of everyday consciousness, as well as recurrent forms of constructing the history of the ethnos, with the exception or silence of a number of tragic and dramatic events.

Keywords: subjective reality; ethno-historical memory; cultural naturalness; personal theory; narrative; chronotope; event; the history of the Germans in the Volga region; ethnic identity